

исполнители как Peatbog Faeries, Lenahan, Lordryk, Croft № 5, Enter the Haggis, The Dreaming, Shoooglenifty, Spirit of the West, Homeland, Ashley MacIsaac, Mudmen и Great Big Sea) и кельтского панка (с начала 1980-х годов, Dropkick Murphys, The Real Mckenzie's, Smiting Shillelagh, Flatfoot 56, The Vandon Arms, Neck, The Molly Maguires, Mutiny и Black 47), однако впоследствии спектр жанров, почувствовавших влияние кельтской культуры, заметно расширился. Из наиболее развившихся, продуманных жанров, а также распространенных среди музыкантов и слушателей, можно выделить такие жанры как кельтская электроника (Martyn Bennett, Lorne Cousin и Mark Saul), new age (Afro Celt Sound System, Gary Stadler, Enya), хип-хоп (House of Pain, Marxman, Seanchai and The Unity Squad) и т. д.

**СИМВОЛИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЯЗЫКА ПРОТИВ
ДЕКОНСТРУКЦИИ: ПОЭТЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА
(А. БЕЛЫЙ И В. ХЛЕБНИКОВ) И Ж. ДЕРРИДА
О ВОЗМОЖНОСТИ ПРЯЯЗЫКА
В. А. Сухарева**

Вопрос, вокруг которого будет разворачиваться наше рассуждение, можно сформулировать так: что первично: знание о мире или язык о мире? Ответ на этот вопрос нельзя дать напрямую. Предварительно, необходимо решить несколько сопутствующих проблем: Во-первых, как формируется знание о мире? Во-вторых, какую роль в познании мира играет язык? И, наконец, возможно ли расщепить язык и знание так, чтобы можно было выявить внутреннюю логическую структуру их связи?

В континентальной философии XX века сформировались два подхода, выдвигающие в качестве ответов на эти вопросы противоположные тезисы. Особый интерес вызывает тот факт, что оба подхода рождаются на разных этапах эволюции единой традиции. Мощным узлом этой традиции (культурным и философским) стало русское искусство серебряного века, оказавшее впоследствии значительное влияние на теорию литературы и лингвистику сначала в России (формальная школа), а затем и за рубежом, в частности во Франции, где теоретические плоды формализма были восприняты и переосмыслены в рамках философии структурализма. Вокруг этого узла вырастают основные тезисы первого подхода к рассмотрению соотношения знания и языка, которому можно дать название символической концепцией языка.

Итак, рассмотрим, как понимают соотношение языка и знания символисты.

Андрей Белый о Праязыке

Связь языка и познания Андрей Белый опосредует третьим элементом, который, в конечном счете, подчиняет себе и знание, и язык, поскольку имеет более высокий статус; этим третьим элементом является творчество. Творчество – это высшая деятельность, которая является условием возможности существования и познаваемости мира. Творчество сакрализируется: как акт до-онтологический и догносеологический, поскольку оно может иметь своим источником только божественное начало, абсолютную реальность. Язык, с точки зрения Андрея Белого, – это лишь орудие творчества, но, вместе с тем, это самое совершенное орудие: «Язык – наиболее могущественное орудие творчества. Когда я называю словом предмет, я утверждаю его существование <...> я утверждаю, что творчество прежде познания, я утверждаю творческий примат не только в его гносеологическом первенстве, но и в его генетической последовательности»⁴⁹², – пишет Андрей Белый.

Творчество, в представлении символистов есть, с одной стороны, условие возможности познания. С другой стороны, творчество является неотъемлимой человеческой способностью. Человек творит мир с помощью слова, подобно Богу. И поэтому сотворенный человеком мир есть мир не просто познаваемый, но мир уже познанный. «Слово связывает бессловесный, незримый мир, который роится в подсознательной глубине моего личного сознания, с бессловесным, бессмысленным миром, который роится вне моей личности»⁴⁹³, – говорит Андрей Белый. Мир, таким образом, возникает только в слове, как мир названный, мир познанный, мир, о котором я (то есть человек) знаю, и о котором я могу сказать, что он есть и каков он. Вместе с тем, и человек, в качестве Я, творится в том же самом процессе: человек творится как тот, кто знает мир, как тот, кто сам существует, поскольку может говорить о существовании мира: «Вне речи нет ни природы, ни мира, ни познающего»⁴⁹⁴.

Фактически, согласно Андрею Белому, мир познавать не нужно – его нужно творить. И в этой связи символисты вводят понятие Праязыка – идеальной субстанции творчества или идеального носителя творчества. Праязык у Андрея Белого предстает, в первую очередь, как орудие поэтического творчества, и задача человека состоит в том, что этот язык обнаружить, открыть в языке живую одухотворенную речь, непрерывную магию, сохранившуюся в нем в виде неясного отголоска существовавшего когда-то в древности насквозь магического сакрального праязыка, способного покорять

⁴⁹² Андрей Белый. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 131.

⁴⁹³ Там же. С. 131.

⁴⁹⁴ Там же.

и подчинять природу человеческой воле. Этот мифический синкретичный праязык позволял людям напрямую обращаться к Богу, взывать к нему как со-равным ему по творческим возможностям: «Первоначально поэзия, познание, музыка и речь были единством; и потому живая речь была магией, а люди, живо говорящие, были существами, на которых лежала печать общения с самим божеством»⁴⁹⁵.

Велимир Хлебников о Праязыке

Велимир Хлебников, один из основоположников русского футуризма, известный своей «звездной азбукой»⁴⁹⁶, провозглашает своим творчеством, пожалуй, самую смелую идею литературного авангарда. Эта идея несколько отличается от предшествующей ей символической концепции смысла, в которой минимальной смысловой единицей языка считалось слово-символ. В. Хлебников находит смыслы на уровне, предшествующем лексическому уровню языка; он обнаруживает, что звуки – это вовсе не пустые строительные блоки для единиц более высокого порядка, что они, напротив, наполнены особыми смыслами, недоступными для выражения более крупным языковым единицам. В. Хлебников обнаруживает эту, доселе никому неизвестную, имманентную звукам смысловую напряженность и, в поисках объяснения того, откуда появляются в звуке внелексические (долексические) и внеграмматические (дограмматические) значения, приходит к удивительным выводам: согласно В. Хлебникову, звук есть носитель имплицитно содержащегося в Первозыке чистого Первосмысла.

Звуковая субстанция языка, с точки зрения В. Хлебникова, – это наиболее древний языковой слой, в котором сохранились самые первые представления человека о мире, и в котором мы можем восстановить, подобно археологам, первоначальную картину мира, раз за разом невольно оживляемую и воспроизводимую нами в каждом произнесенном звуке. «Ныне звуки в языке выглядят как “стершиеся пятаки”, их первоначальное пространственно-временное значение, интуитивно воспринятое в детстве человечеством, забыто. О нем должны напомнить поэты. Но древние слова, как древние монеты, хранят в начале слова звук – ключ к их пониманию <...> Звуковые волны, струясь и переливаясь друг в друга, сделают видимой ту картину мироздания, которая открылась перед незамутненным детским взором человека, впервые дававшего миру звучные имена»⁴⁹⁷.

⁴⁹⁵ Там же. С. 132.

⁴⁹⁶ См.: Хлебников Велимир. Зангези // Хлебников Велимир. Творения. М.: Советский писатель, 1986. 736 с.

⁴⁹⁷ Кедров К. А. Вселенная Велемира Хлебникова. [Электронный ресурс]. URL: <http://hlebnikov.lit-info.ru/hlebnikov/about/keдрov-vsennaya.htm> (дата обращения: 25.04.2014).

Главную идею В. Хлебникова можно сформулировать следующим образом: необходимо научиться выстраивать из звуков такой язык, с помощью которого человек научился бы творить божественные миры. И Хлебников указывает последовательность выполнения этой задачи: сначала необходимо разрушить старый язык, затем из его обломков создать новый язык, и после этого перейти к сотворению нового мира.

Здесь возникают как минимум две проблемы: Во-первых, как возможно разрушить язык? Из какой точки мы творим / разрушаем язык? Где находится эта точка «вне» языка, «вне» познания. Во-вторых, что такое первосмысл? Можно ли считать его знанием о мире, своего рода неким Первознанием, которое затем легло в основу создания языка. И если да, то откуда берется это Первознание? Является ли это Первознание чем-то данным нам априори, задолго до всякого возможного знания и всякого возможного творчества, чем-то принципиально неотчуждаемым и имеющим универсальный характер (вроде кантовских категорий)? Можно ли считать, что Первознание является условием возможности всякого языкового творчества и всякого знания, выражаемого в языке, условием возможности самого языка?

Отвечая на поставленные вопросы и обобщая представленные выше позиции, сформулируем основные положения символической концепции языка по проблеме соотношения знания и языка. Прежде всего, согласно символистам, знание о мире формируется как бы на двух уровнях. Первый и наиболее глубокий уровень – это уровень так называемого Первознания – априорного условия возможности осмысленного отношения человека к миру. Второй уровень – это уровень знания, артикулируемого с помощью языка. Далее, природа языка в символической концепции также обнаруживает свою принципиальную двойственность: язык как бы расслаивается на обычный язык и Праязык. Обычный язык располагается между двумя уровнями знания: будучи, с одной стороны, зависимым от Первознания, он играет роль основания и условия возможности обычного знания. Праязык, в свою очередь, образует тесную связь с Первознанием, так что однозначно развести их оказывается невозможным.

Символическая концепция языка, таким образом, выстраивает сложную многоуровневую иерархию познания, на вершине которой оказывается универсальное основание, задающее правила соотношения языка и знания, а также утверждающее их сущностную неразличимость – Праязык (Первознание). Праязык образуют своего рода матрицу, инстанцию упорядочивания смыслов, в которую впоследствии встраиваются языковые структуры и системы знания.

Ж. Деррида о Праязыке

Второй подход к рассмотрению соотношения знания и языка представлен постструктуралистской философией языка, в рамках которой наиболее репрезентативной является концепция праязыка Жака Деррида, одного из видных постструктуралистов, известного своей критикой структуралистской методологии с ее идеей праструктуры.

К символической или (в соответствии с терминологией переводчика) «символистской» концепции языка Деррида обращается в своей работе «Белая мифология. Метафора в философском тексте». Предметом его исследования в этой работе является природа философских терминов – философем. Согласно Деррида, философский язык, имеет метафорическое происхождение: философские понятия представляют собой метафоры, износившиеся в философском обмене и потерявшие свою метафорическую силу. Деррида подчеркивает, что с одной стороны, утверждение метафорической природы философских понятий подразумевает возможность «восстановления или оживления под метафорой <...> изначальной фигуры, затасканной, истертой, отполированной в обороте философского понятия»⁴⁹⁸, восстановления палимнеста. Однако с другой стороны, сама постановка вопроса о восстановлении первичного смысла метафоры означает принятие символистской концепции языка: «В этой критике философского языка интересоваться метафорой – частной фигурой – значит уже занимать символистскую позицию»⁴⁹⁹. Последнюю философ подвергает критике, указывая на то, что сама идея существования некоего первичного смысла противоречит природе языка, основной характеристикой которого являемся диссеминация – бесконечное рассеивание смысла: «никакое начало не дает необходимых гарантий непричастности»⁵⁰⁰.

Деррида, таким образом, отрицает существование Праязыка и первосмысла. Всякий смысл есть лишь результат игры некоего первичного хаоса. Несмотря на то, что Деррида использует для обозначения этого первичного хаоса термины «архи-письмо» и «прото-письмо»⁵⁰¹, он постоянно подчеркивает его внеонтологический статус. Архи-письмо – это не праязык и не праструктура, а движение-ускользание первосмысла, от которого остается только след.

Утверждение отсутствия Праязыка и есть результат работы деконструкции метафизического языка. И в этом смысле, взгляды

⁴⁹⁸ Деррида Ж. Белая мифология // Деррида Ж. Поля философии. М.: Академический проект, 2012. С. 244.

⁴⁹⁹ Там же. С. 248–249.

⁵⁰⁰ Деррида Ж. Диссеминация. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 419.

⁵⁰¹ См.: Деррида Ж. О граматологии. М.: Ad Marginem, 2000.

Деррида полностью противоположны взглядам символистов. Знание и истина в рамках философии Деррида характеризуются как «иллюзии, о которых забыли, что они суть иллюзии»⁵⁰². Язык в этом смысле предстает как бесконечная цепочка мета-метафор, рассеивающая любой вкладываемый в нее смысл, неспособная удерживать никакое знание.

Итак, оценивая различия между двумя представленными подходами, можно утверждать следующее.

С одной стороны, символисты, настаивая на существовании праязыка, утверждают существование неких универсальных и необходимых принципов корреляции языка и познания, благодаря которым знание может быть выражено в языке. Утверждается возможность восстановления/создания абсолютно прозрачного истинного дискурса, в роли которого и выступает Праязык. Деррида, в свою очередь, показывает, что ткань языка сопротивляется всякой истине. В этом смысле, истина оказывается принципиально недоступной для выражения средствами языка.

С другой стороны, вера символистов в существование Праязыка исключает необходимость, а вместе с тем и возможность познания мира. Праязык рассматривается символистами как место спайки человека и мира, становится на место основания и фундамента познания, превращая тем самым проблему познания в псевдопроблему: всякое новое знание есть лишь воспроизведение и повторение имплицитно содержащегося в Праязыке Первознания. Деррида, отрицая существование Праязыка, напротив, как бы ставит проблему познания заново: ведь если над пропастью между человеком и миром нет никакого изначально возведенного мостика, преодоление этой пропасти становится нетривиальной задачей.

ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ИНФОРМАЦИЯ» В КОНЦЕПЦИЯХ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ НА ПРИМЕРЕ РАБОТ И. И. ШМАЛЬГАУЗЕНА

Н. И. Сухих

В статье анализируется понятие «информация» с позиций неклассической науки. Описание производится на примере работ И. И. Шмальгаузена, рассматривавшего теорию биологической эволюции сквозь призму кибернетики, где информация играла крайне важную роль для понимания сути эволюционного процесса.

Описывая третью глобальную научную революцию, В. С. Степин формулирует ряд характеристик, свойственных научной картине мира конца XIX – первой половины XX вв.

⁵⁰² Деррида Ж. Диссеминация. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 251.